

ФИЛОСОФИЯ МУЗЕЯ И КУЛЬТУРА ПОСТМОДЕРНА

Философии музея на сегодняшний день не существует. Как ни печально – или забавно – это ни звучит. Так, отдельные, хоть и очень интересные, «реплики» уважаемых и даже глубокоуважаемых мыслителей, не очень убедительное – с метафизической точки зрения, – теоретизирование в рамках музееведения или музеологии, которые, кстати, также нуждаются в серьезном концептуально-легитимном фундировании, регулярные учебные курсы, читаемые студентам и аспирантам, наконец, эпизодические, более или менее регулярные, научные форумы, проводимые в т.ч. и на нашем философском факультете, различного уровня, на которых предпринимается попытки философски осмыслить феномен музея. Но воз, как говорится, и ныне там, что не может не тревожить. И вот почему. Несомненно, любая социокультурная практика нуждается в онтологически-эйдетическом внятном обосновании. Таковым обладают практически все значимые, имеющие широкое распространение институции. Это – не вопрос чьей-либо прихоти, либо каприза, но – устойчивости того или иного образования, его укорененности, а значит и бытийственной правомочности (непреложности). Как раз отсутствие подобного алиби обрекает бытийствующий «агрегат» (все равно какому) вид случайности, не необходимости. В самом деле, ну зачем вообще музей – как институция – нужен? Какая в нем, так сказать, экзистенциальная нужда? Разве что для того, чтобы было чем заняться огромному количеству расплодившихся музейщиков, что, наверное, лишь отчасти справедливо, ибо... «Если звезды зажигаются, то значит это кому-то нужно!» Неимоверное число музеев, существующих сегодня, неизменное и стремительное возрастание их числа, распространение по всему миру как ни что другое – и в первую очередь – свидетельствует, что нужда современной культуры, удобно расположившейся в регламентах пост-, современного человека (модульного, кластерного, утерявшего идентичность и едва ли способного ее обрести вновь) в музее есть. И нужда немаленькая. Даже тоска. Только в чем именно она, нужда-тоска по музею, состоит – не совсем понятно.

В круг этих – метафизических, онтологических, эйдетических, наконец, экзистенциально-антропологических – проблем пытались вникнуть участники регулярно проводимых в течении почти что двух сезонов открытых семинаров Лаборатории Метафизических Исследований (циклы 2008-2010 гг.) Результаты – мнения участников – были частично опубликованы. Надеюсь, что оставшиеся материалы так или иначе станут доступны всем заинтересованным. А то, что такой интерес существует, причем именно у музейщиков, знаю наверняка, не раз с этим сталкивался. На большинстве заседаний, к сожалению, представители музейного цеха не присутствовали. Как мне кажется, ввиду локальности, принципиальной для всех мероприятий ЛМИ. Шум-гам, многолюдность, зазывность и административная фиксация, неизбежная при проведении масштабных проектов, – мешают думать, размышлять, сопоставлять позиции. Контингент участников – привычный для Лаборатории: пробующие философствовать, в большинстве своем уже прошедшие дрессуру классического университетского образования. Однако, как оказалось, и нынешнее студенчество не чурается подобных проблем, но даже и наоборот – пристально и вдумчиво к ним приглядываются, имеют собственное мнение и готовы его высказывать. С этим я столкнулся уже в рамках своих служебных преподавательских обязанностей.

Уже лет пять я читаю курс «Философия и теория культуры» студентам отделения музееведения философского факультета. Читаю с удовольствием, даже – с радостью, ибо аудитория – благодатная. Пожалуй, только непосредственная встреча с этими студентами меня в полной мере убедило в правомочности подготовки специалистов (теперь уже и бакалавров) музейного дела на философском факультете. Аргументы «от высоких начальников» звучали и звучат до сих пор неубедительно. Интерес к теоретическим и философским проблемам, весьма далеким от повседневных прикладных задач музейного строительства, – огромен и неподделен. Во многом благодаря им, студентам, их репликам и замечаниям, вопросам я понял до какой степени серьезно обстоит дело с онтологической легитимацией музея как такового. Так же как и все «музейное племя», студенты ищут основы, оправдания, аргументов – отнюдь нетехнологических, неюридических ил неэкономических, – в пользу повсеместного распространения музейного «зуда». Ищут и не находят, что вполне закономерно: ведь философии-то музея, я с этого начал, на сегодняшний день не существует. Может быть то – простое следствие философических «инъекций», которые были ими получены в течении тех лет, что они провели на факультете (стены-то «давят» и «обязывают»), а их коллеги, обучающиеся музейному ремеслу в иных коридорах, к такого рода вопросам относятся гораздо более легкомысленнее? Не знаю. Может быть. Но... ведь может и не быть: везде есть думающие «глобально» люди, а вопрос онтологически-социо-антропологической легитимации музея, что называется, лежит на поверхности, тут и прищуриваться-то особенно не надо. Причем, блок таких вот вопросов-проблем – достаточно объемный, всех их, да даже и большинства так или иначе затронуть в

пределах своего учебного курса совершенно невозможно. Поэтому я предложил студентом, уже после того, как наши с ними «юридически оформленные» отношения «утратят силу» (по истечению времени и исчерпанности программы), а регулярные принудительные встречи завершаться, продолжить разговор, уже вне сетки учебного расписания, поставив в качестве центральной темы философию музея. Удивительно, даже странно, в моей педагогической практике это случилось впервые (хотя время от времени, той или иной группе я делаю подобные предложения, но всегда повторялся один и тот же сценария: первое занятие – аншлаг, второе – поменьше народу, третье – еще меньше, ну а к четвертому-пятому уже никого не остается; Эх! Что ни говори, официальная служебно-административная обязательность – великий стимул для получения знания): занятия не оборвались, не сошли на нет, даже и срывов-то, как помнится, не было. И – не моя в том доблесть, глубоко уверен, но – проблематика и исключительная заинтересованность. Я, как говорится, был в теме, ибо только что «откатались» семинары ЛМИ по философии музея. Вызвавшая их интеллектуальная возбужденность и «взбешенность» еще не прошли, «горел и пламенел», хотелось придать своим мыслям более или менее систематический и стройный вид. Уж насколько это удалось – не мне судить. Это были не просто лекции-мои-монологи, но – собеседование, совместное рассуждение, поиск решений, возражения. Словом, обстановка, но лишь отчасти, напоминала атмосферу заседаний Лаборатории. Сюжеты, которые я предложил обсудить, отличались от «топик» ЛМИ и отчасти продолжали основные лейтмотивы прочитанного мной ранее этим студентам курса. Это, прежде всего, проблемы, связанные с теми изменениями концепта пространства и времени, которые произошли в эпоху постмодерн. Несомненно, музей можно считать предвестником этих сдвигов, а также – уже в сегодняшней действительности – наиболее убедительной и наглядной их декларацией-презентацией. Невозможно было обойти и Память (нормативов Памятования), тех ее привилегированных форм, а также нормативов ее реформирования, которые реализуются посредством музея. Особое внимание было уделено стратегиям власти, захвата человека, способам манипуляции, тяготеющим к тотальности. Совсем не случайно, что современная власть не просто благосклонно относится к музеям, и отнюдь не из гуманитарного альтруизма тратит на их функционирование огромные средства, но прямо-таки силой насаждает «любовь к музею», возводя последний в статус абсолютной и неоспариваемой позитивности-престижности. Музей – прекрасный и очень эффективный инструмент порабощения, тотального контроля, что также вполне соответствует ведущим тенденциям социальной программирования, применяемых во всем цивилизованном мире последние пятьдесят лет. Вещь в музее (если точнее, как вещь в своей вещности полностью уничтожается, попадая в музей) – это еще одна проблема. Ну и, разумеется, постмодерн.

Встречи были интригующими. Я очень благодарен студентом и за возможность высказать, и за их слова, безусловно стимулировавших мой интеллектуальный поиск. По завершению цикла я предложил студентам письменно изложить свои соображения – обидно, если это пропадет, забудется, ускользнет от внимания. Свои собственные мнения я все равно, так или иначе, рано или поздно, опубликую, хоть разрозненно, хоть целиком. А вот относительно студенческих задумок у меня в том уверенности нет: в юности ты – еще щедр и легкомыслен, не приучен к скарденности, с интеллектуальной точки зрения – совсем не скверной привычки. Так вот, чтобы не потерялось то, безусловно, ценное и интересное, что ими было высказано и продумано, я и решил эти реплики-сочинения опубликовать в кафедральном альманахе. Ниже – они. К сожалению, не все студенты смогли и захотели письменно высказаться. Жаль! Но все равно я надеюсь, что время было не потрачено зря, встречи были полезны не только для меня, а те мысли (мои ли, тех ли авторов, на которых ссылался, студентов ли – какая разница!), что всплывали в процессе бесед найдут свое отражение в их профессиональной деятельности.